

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

© 2006 г. А. А. Тишкин, В. В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул

К настоящему времени разброс мнений исследователей по проблеме культурной принадлежности археологических комплексов Горного Алтая хуннуско-сяньбийской¹ эпохи весьма значителен. Условно их можно разделить на две группы. Первая признает существование нескольких самостоятельных культур или типов памятников: булан-кобинских, берельских, кок-пашских, айрыдашских (Елин, 1990; 1994; Худяков, 1993а; б; 1998а; б; в; 2005; Тетерин, 1995; 2001; 2004; Бобров и др., 2003). Вторая рассматривает развитие одной булан-кобинской (Мамадаков, 1990; 1994; Соенов, 1999; 2003; Тишкин, Горбунов, 2003; 2005) или кудыргинской общности (Суразаков, 1992; 2002). Неоднозначно решаются и вопросы датировки конкретных памятников в рамках рассматриваемой эпохи.

Сейчас в Горном Алтае открыто 36 погребальных комплексов хуннуско-сяньбийского времени, на которых раскопано 696 могил (учитывались только опубликованные сведения). Материалы ряда крупных объектов введены в научный оборот лишь частично, но они позволяют создать общую схему культурно-хронологического развития региона на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Нами проделана работа по систематизации всех данных, введенных в научный оборот. Сравнительный анализ признаков погребального обряда демонстрирует их единую основу. Это свидетельствует о существовании одной археологической культуры, наиболее удачное название для которой – “булан-кобинская”. Различия между отдельными памятниками по типам погребальных сооружений и способам захоронений не имеют массового характера и, вероятнее всего, отражают участие нескольких этнокультурных компонентов в процес-

се формирования и длительного существования общности.

Типологический анализ инвентаря из раскопанных погребений позволяет выделить три хронологические группы памятников, каждой из которых соответствует определенный предметный комплекс. Эти группы могут быть соотнесены с тремя последовательными этапами в развитии булан-кобинской культуры: 1) Усть-Эдиганский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.); 2) Бело-Бомский этап (II – первая половина IV в. н.э.); 3) Верх-Уймонский этап (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.).

В настоящей статье представим характеристику раннего (усть-эдиганского) этапа. К нему относятся могильники Усть-Эдиган, Сары-Бел, Чендек (восточная группа), Яломан-II (западная группа), Пазырык (курганы № 23, 24, 42), которые расположены в северной, центральной и восточной частях Горного Алтая. Среди надмогильных сооружений преобладают небольшие каменно-земляные насыпи округлой, реже подпрямоугольной формы с обозначенной крепидой из более крупных камней. На могильном поле курганы образуют подобие тесных параллельных цепочек. Под насыпями находятся грунтовые могильные ямы, в большинстве которых сооружены каменные ящики из массивных плит; реже встречаются деревянные или комбинированные (каменно-деревянные) внутримогильные конструкции. Способы погребений представлены одиночной ингумацией в сопровождении верхового коня и без него, кенотафами (с конем и без животных), а также захоронениями одной лошади. Умершие люди располагались либо на боку с согнутыми ногами, либо вытянуто на спине. Выделяется два направления ориентации погребенных и сопровождавших коней: в западный и восточный сектора (с преобладанием последнего). Лошади располагались на боку на перекрытии ящика, со смещением “в ноги человека”. Гораздо реже они лежали параллельно умершему за длинной стенкой внутримогильной конструкции. Инвентарь из памятников усть-эдиганского этапа весьма разнообразен.

Вооружение представлено оружием дальнего и ближнего боя, а также воинским доспехом. Остат-

¹ Традиционно период II в. до н.э. – V в. н.э. в научной литературе обозначается гунно-сарматской эпохой, однако для восточной части евразийских степей такое название не отражает реальной историко-культурной ситуации. В это время в Центральной Азии и на сопредельных территориях господствовали сначала хунну, а затем сяньби, влияние которых было определяющим для древнего населения Южной Сибири. Одним из авторов статьи предложено такое расширенное наименование, как хуннуско-сяньбийско-жужанское время (Тишкин, 2004. С. 296).

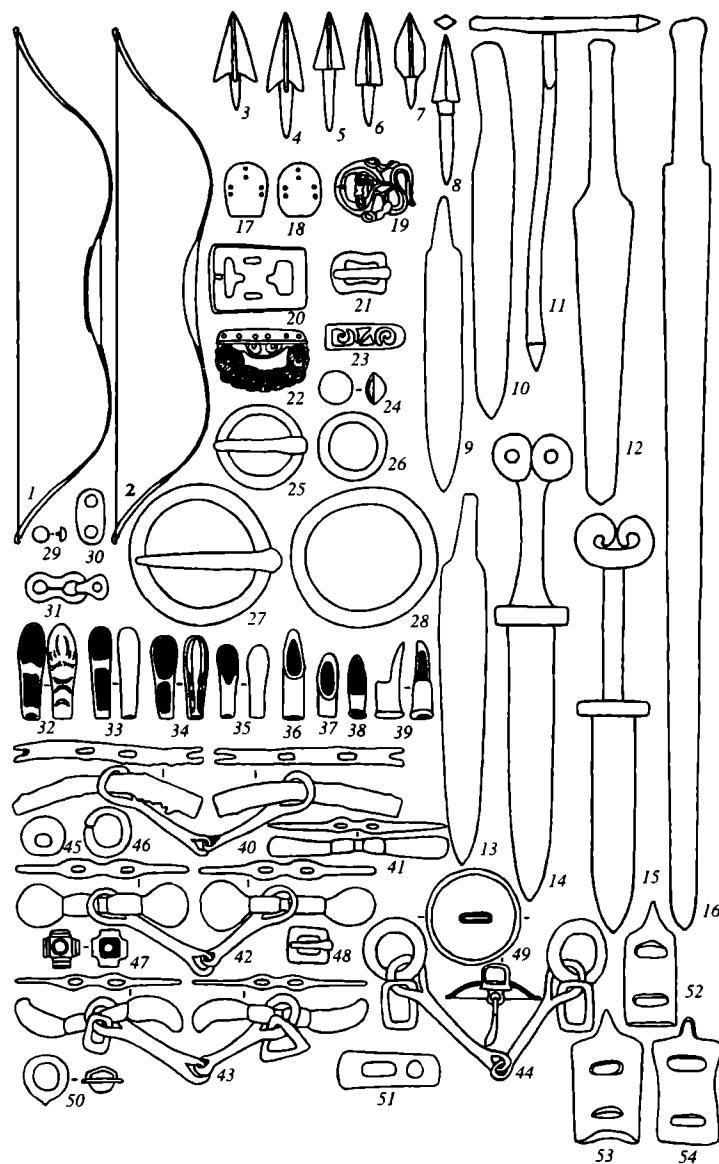

Рис. 1. Вооружение (1–18), снаряжение человека (19–39) и верхового коня (40–54). Памятники: Усть-Эдиган – 5–10, 12, 13, 16, 20, 25, 26, 36, 53, 54; Сары-Бел – 4, 15, 37, 50; Чендек – 1, 38; Пазырык – 39; Яломан-П – 2, 3, 11, 14, 17–19, 21–24, 27–35, 40–49, 51, 52. Материал: 1, 2 – рог, дерево; 3–10, 12–18, 21, 27–31, 35, 41–44, 46, 48 – железо; 11 – дерево; 19, 20, 22–24, 26, 32–34, 45, 47, 49, 50 – цветной металл; 25 – цветной металл, железо; 36–39, 51–54 – рог; 40 – железо, рог. Масштаб: 1, 2 – 1 : 12; 3–15, 17–39, 45–54 – 1 : 3; 16, 40–44 – 1 : 4.

ки сложносоставных луков встречены во всех памятниках усть-эдиганского этапа. Обычно сохраняются только комплекты роговых накладок. Судя по ним, луки относятся к двум типам. Один состоит из семи накладок: две пары концевых боковых, две срединные боковые и срединная тыльная (рис. 1, 1). Другой включает шесть накладок: две пары концевых боковых и две срединные боковые (рис. 1, 2). Такие луки впервые появились у хунну в III в. до н.э. и в дальнейшем широко использовались многими народами Евразии (Худяков, 1993б. С. 121, 122). Оформление ранних булан-кобинских накладок точно соответствует хун-

нским экземплярам (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Цэвэндорж, 1985. С. 79; Худяков, Цэвэндорж, 1990. Рис. 1–4; Давыдова, 1996. Табл. 12, 3, 4; 52, 4, 5; 84, 10, 11; Миняев, 1998. Табл. 57, 1; 63, 1). Это позволяет датировать найденные комплекты временем наибольшего распространения собственно хуннских луков III/II в. до н.э. – I в. н.э., хотя применение луков “хуннского типа” продолжалось до V в. н.э. включительно.

Боевые наконечники стрел, изготовленные из железа, происходят из могильников Усть-Эдиган, Сары-Бел, Яломан-П. Все они имеют черешковый насад. Выделяются трехлопастные изделия трех типов: треугольные (рис. 1, 5, 6), треугольные шипастые (рис. 1, 3, 4), шестиугольные (рис. 1, 7), а также бронебойный наконечник с четырехгранным ромбовидным пером треугольной формы (рис. 1, 8). Железные трехлопастные наконечники широко применялись многими кочевыми и оседлыми народами Евразии с рубежа IV и III вв. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 36, 37). Территориально булан-кобинским экземплярам наиболее близки наконечники каменной культуры Лесостепного Алтая III–II вв. до н.э. (Могильников, 1996. Рис. 46, 1, 2) и тесинского этапа тагарской культуры Минусинской котловины II–I вв. до н.э. (Худяков, 1986. Рис. 16, 1, 2). Особое внимание обращают на себя треугольные наконечники с шипами, идентичные хуннским экземплярам II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. I, 8, 9; Миняев, 1998. Табл. 30, 1, 5). Позже I в. н.э. такие наконечники в центрально-азиатском регионе практически не встречаются. Стрелы с шестиугольным пером известны у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э., а также у сарматов в I в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков, 1986. Рис. 5, 1; Хазанов, 1971. Табл. XIX, 32). Экземпляры, наиболее близкие бронебойному наконечнику, имеются среди хуннских изделий (Худяков, 1986. Рис. 6, 1, 22).

Фрагмент двухлезвийного меча (рис. 1, 16) обнаружен на могильнике Усть-Эдиган. Подобные изделия можно найти среди сарматского и среднеазиатского вооружения I–V вв. н.э. (Хазанов, 1971. С. 17–21. Табл. XII, 1, 3; Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 7, 1; Левина, 1996. Рис. 85, 1). Для Центральной Азии не исключается их появление со II в. до н.э. и даже раньше (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 89), что, возможно, подтверждается находкой фрагмента двухлезвийного клинка и рукояти на Дырестуйском могильнике (Миняев, 1998. Табл. 30, 13, 14).

Кинжалы, зафиксированные на памятниках Усть-Эдиган, Сары-Бел и Яломан-П, имеют клинок линзовидного сечения и могут быть разделены на два основных типа. Первый включает экземпляры с прямым брусковидным перекрестием и волнитообразным навершием (рис. 1, 14, 15). Эти изделия генетически восходят к оружию скифского времени. Наиболее точные аналогии им есть в

бактрийских (юэчжийско-кушанских) комплексах III в. до н.э. – I/II в. н.э. и среди оружия саргатской культуры II–IV вв. н.э. (Погодин, 1998. Рис. 2, 2; Литвинский, 2001. С. 244–248. Табл. 58, 1–3; 61, 12, 13). Второй тип представляют кинжалы без перекрестия и навершия (рис. 1, 9, 10, 12, 13). На западе они известны у сарматов с I в. до н.э. – I в. н.э., а на востоке – у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов, 1971. Табл. X, 1–3; XI, 4; Давыдова, 1996. Табл. 9, 5).

Деревянная модель чекана найдена на могильнике Яломан-II. По своим признакам она копирует боевые изделия скифского времени. На Алтае самые поздние реальные образцы данного вида оружия встречены в памятниках III–II вв. до н.э. (Могильников, 1997. С. 51. Рис. 42; Кочеев, 1999. С. 75. Рис. 4).

Железные панцирные пластины, обнаруженные на комплексе Яломан-II, относятся к доспеху ламеллярной структуры, имеют укороченные пропорции, овальнопрямоугольную форму и шесть сквозных отверстий для крепления (рис. 1, 17, 18). Идентичные изделия происходят из хуннских памятников конца III в. до н.э. – I в. н.э., а также известны у племен Приамурья и сяньби во II–III вв. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 95, 10, 19; 104, 1, 2; Рец. Юй Су-Хуа, 1999. Рис. 3, 3; Деревянко, 1987. Табл. VII, 2, 3, 8; VIII, 1–3; Горбунов, 2003. С. 42, 43; 2005. Рис. 1, 1). Две панцирные пластины из Яломана-II имели с внутренней стороны бронзовую подкладку. Анализ этого металла показал его местное происхождение (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 305), что, возможно, указывает на импортный характер первых булан-кобинских панцирей.

Снаряжение человека включает различную гарнитуру, которую можно разделить на основные и стрелковые пояса и портупейные ремни. Пряжки весьма разнообразны. Интересны медные ажурные изделия с изображением ящерицы, имеющие шпенеки для закрепления ремня (рис. 1, 19). По общей форме, зооморфному стилю и крепежным деталям они близки хуннским изделиям из Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 14, 9; 125, 13; 1996. Табл. 15, 13; 33, 9; Миняев, 1998. Табл. 67, 7; 81, 8; 103, 1, 2; 118, 1). Отметим еще прорезную прямоугольную пряжку со шпеньком (рис. 1, 20), также подобную хуннским образцам (Миняев, 1998. Табл. 80, 8, 9). Наиболее многочисленны рамчатые пряжки с подвижным язычком. Среди них есть экземпляры прямоугольной формы, а некоторые имеют вогнутые боковые стороны рамки (рис. 1, 21). Пряжки округлой формы, как правило, отличаются более крупными размерами (рис. 1, 25, 27). У одной из них есть перекладина для крепления язычка (Тетерин, 1995. Рис. 5). Аналогии ей известны только в хуннских материалах (Коновалов, 1976. Табл. XII, 26; Миняев, 1998. Табл. 12, 18; 53, 2). Еще имеются изделия с округло-прямоугольными рамками (Тетерин, 1995.

Рис. 6). Они также характерны для культуры хунну (Коновалов, 1976. Табл. XI, 15). Оригинальны пряжки, состоящие из восьмерковидной рамки с сомкнутой серединой и подвижного щитка-зажима (рис. 1, 31). Близкие экземпляры, но без щитка можно найти среди хуннской поясной гарнитуры (Миняев, 1998. Табл. 50, 3). В целом ранние булан-кобинские поясные пряжки существенно отличаются от таких предметов скифской эпохи и имеют надежную нижнюю границу по рубежу III/II в. до н.э.

Наконечники ремней делались из меди и железа. Они имеют овальнопрямоугольную форму, ажурные прорезы по всей поверхности (рис. 1, 23) или одно отверстие для закрепления неподвижного конца ремня (Тетерин, 1995. Рис. 7). Данные изделия похожи на хуннские образцы из памятников Забайкалья (Коновалов, 1976. Табл. XIV, 1–14).

Круглые кольчатые распределители ремней (рис. 1, 26, 28) по два или три экземпляра, как правило, встречаются в составе второго или стрелкового пояса. Обычно они составляют комплект с круглыми пряжками с подвижным язычком, что находит полные соответствия в поясных наборах из хуннских памятников Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. (Цэвэндорж, 1985. Рис. 18, 8–11; Давыдова, 1996. Табл. 11, 21, 23, 26, 30; 12, 22, 23; 23, 6–8; 42, 5, 7, 8; 52, 7–10; Миняев, 1998. Табл. 7, 24, 25, 30; 93, 5, 6, 10). Такие распределители достигают и весьма крупных размеров.

Ложечковидные застёжки зафиксированы во многих мужских погребениях. Бронзовые экземпляры часто украшены орнаментом и снабжены двумя перемычками с внутренней стороны (рис. 1, 32–34). Изделия из железа и кости (рис. 1, 35–39) более простые. Данные предметы в большом числе присутствуют в хуннских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. и четко маркируют этот хронологический период (Давыдова, 1995. Табл. 185, 36–38; 187, 16, 17; 1996. Табл. 71, 28; 72, 1, 2; Миняев, 1998. Рис. 18, 31–34).

Среди поясной гарнитуры обнаружены различные бляхи. Медные позолоченные бляхи-накладки на нижний край пояса из памятника Яломан-II сделаны в ажурном стиле с изображением двух кошачьих хищников (рис. 1, 22). Идентичный предмет найден в погребении № 138 Иволгинского могильника (Давыдова, 1996. Табл. 39, 2). Медная выпуклая бляха круглой формы с выступающей скобой для крепления (рис. 1, 24) относится к так называемым пуговицам. Аналогии ей известны среди хуннских памятников Монголии и Забайкалья (Цэвэндорж, 1985. Рис. 3, 8; Давыдова, 1996. Табл. 8, 1; 11, 7–9; 12, 14; 51, 3; Миняев, 1998. Табл. 93, 2). Железные бляхи-накладки представлены маленькими округлыми экземплярами (рис. 1, 29) и более крупными овальными (рис. 1, 30). Подобные предметы также встречаются в мате-

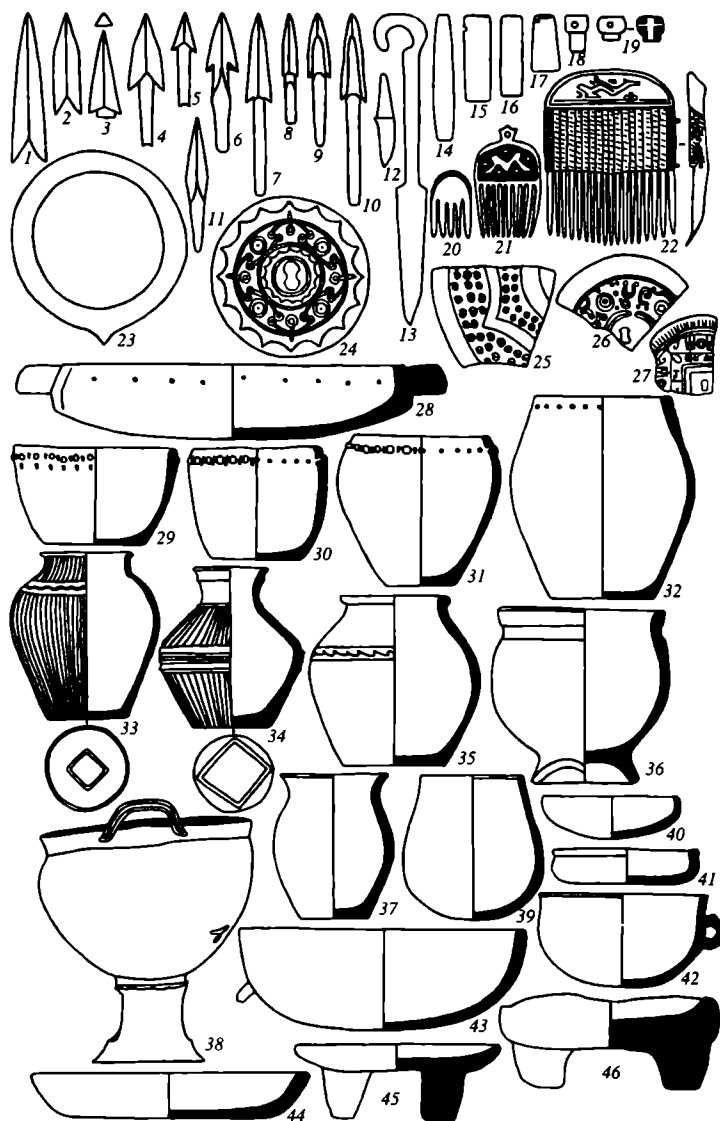

Рис. 2. Орудия труда и предметы быта. Памятники: Усть-Эдиган – 1, 3–6, 11, 17, 21, 23, 26, 29, 31, 32, 35, 36, 42, 43; Сары-Бел – 19; Чендек – 8, 27; Яломан-П – 2, 7, 9, 10, 12–16, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 30, 33, 34, 37–41, 44–46. Материал: 1–11, 14–19, 21 – рог; 12, 13 – железо; 20, 22, 28, 39–45 – дерево; 23–27, 38 – цветной металл; 29–37 – керамика; 46 – камень. Масштаб: 1–27 – 1 : 3; 28–46 – 1 : 4.

риальной культуре хунну (Коновалов, 1976. Табл. XII, 11, 18; XIV, 15, 16).

Снаряжение верхового коня демонстрируют уздечные и седельные наборы. Найденные железные удила имеют кольчатые окончания звеньев с округлым или квадратным сечением грызла (рис. 1, 40, 42–44). Они снабжались псалиями, а иногда и обоймами для повода (рис. 1, 43, 44). Псалии – роговые и железные, стержневидные двухдырчатые (рис. 1, 40–43) и кольчатые (рис. 1, 44). Все эти предметы встречаются в хуннских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. VI). Среди них наиболее показательны железные стержневидные двухдырчатые псалии с уплощенными окончаниями. Они имеют S-видную (рис. 1, 43) и весловидную форму с трапециевидными и округлыми расширениями (рис. 1, 41, 42). Та-

кими экземплярами снабжены хуннские погребения Монголии и Забайкалья, есть они и на Иволгинском городище (Цзвэндорж, 1985. Рис. 18, 2, 3; Давыдова, 1995. Табл. 14, 30; Миняев, 1998. Табл. 30, 9–12; 63, 16, 17; 95, 10–12).

Железные уздечные пряжки имеют прямоугольную рамку и подвижный язычок (рис. 1, 48). Они вполне соответствуют аналогичным поясным, но несколько меньше по размерам. Распределители ремней представлены двумя видами. Медные изделия крестовидной формы (рис. 1, 47) близки аналогичному предмету из Дырестуйского могильника (Миняев, 1998. Табл. 1, 2). Железные распределители из сомкнутых колец (рис. 1, 46) также соответствуют хуннской уздечной гарнитуре (Коновалов, 1976. Табл. X, 15; Миняев, 1998. Рис. 15, 8).

Зафиксированы различные уздечные украшения: сегментовидная плоская бляха-подвеска с отверстием (рис. 1, 45), сердцевидные бляхи-пронизки с умбоном и выступающей скобой (рис. 1, 50) и круглые бляхи, крепившиеся к ремням узды при помощи вставных скоб с подвешенным к ним язычком (рис. 1, 49). Последние по своей функции напоминают звенящие бляхи с колокольчиками из Дырестуйского могильника, а по форме и пропорциям – бляхи с умбонами из того же памятника (Коновалов, 1976. Табл. VII, 4–9; Миняев, 1998. Табл. 45, 1–4).

В целом раннебулан-кобинские уздечные наборы сильно отличаются от пазырыкских и полностью соответствуют хуннской амуниции верхового коня.

Седельная гарнитура усть-эдиганского этапа продолжает линию развития предыдущей традиции. На это указывают подпружные пряжки общей прямоугольной формы, которые имеют двутавровые прорези и выступающие треугольные носики (рис. 1, 52–54). Подобные изделия есть в памятниках Горного Алтая V–III вв. до н.э. (Кубарев, 1991. Табл. LP, 3; 1992. Табл. X, 2). Следует отметить, что пряжки с выступающим носиком известны и в хуннских комплексах II в. до н.э. – I в. н.э., но они несколько отличны по форме и характеру прорезей под ремни (Давыдова, 1995. Табл. 182, 4, 5, 9). Пряжка-блок (рис. 1, 51) также имеет пазырыкские прототипы (Кубарев, 1992. Табл. IV, 2; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 82, 4).

Орудия труда и предметы быта представлены различными категориями инвентаря. Костяные и роговые наконечники стрел, предназначенные для охоты, достаточно разнообразны. По характеру насада они делятся на втульчатые (рис. 2, 1–3) и черепшковые (рис. 2, 4–11). Перо втульчатых изделий имеет четырехгранное (ромбовидное), реже трехгранное сечение. Его абрис может быть треугольной или пятиугольной формы с вырезным треугольным основанием, образующим ши-

пы (рис. 2, 1, 2), а также с немного выступающей втулкой (рис. 2, 3). Похожие наконечники известны в памятниках пазырыкской и каменской культур V–III вв. до н.э. и у хунну во II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 180, 13, 14; Могильников, 1997. Рис. 46, 22; Шульга, 2003. Рис. 48, 29; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 74, 1–4, 6). Все черешковые наконечники стрел имеют ромбовидное сечение пера, иногда выраженное только к острию. Среди них преобладают экземпляры треугольной (рис. 2, 5–7), пятиугольной (рис. 1, 4) и килевидной (рис. 2, 8–10) формы с выделенными шипами. Более редки наконечники с вытянуторомбическим пером (рис. 2, 11). Стрелы этой группы существенно отличаются от пазырыкских и маркируют в раннебулан-кобинских памятниках начальный период своего развития, возможно, отражая связи с лесостепным населением Западной Сибири (Могильников, 1997. С. 56).

Железные ножи подразделяются на два типа. Первый представлен небольшим изделием с немного выпуклым обухом и вогнутым лезвием, которое при переходе в черешок образует уступ (рис. 2, 12). Второй характеризуется клинком с выделенным острием, наклонными плечиками, длинным черешком, раскованным в крюковое навершие (рис. 2, 13). Оба типа имеют аналогии в памятниках хунну Забайкалья (Давыдова, 1996. Табл. 18; Миняев, 1998. Табл. 71).

Костяные и роговые трубочки (рис. 2, 14–17) встречены в мужских погребениях. В литературе их обычно называют игольниками. Однако иглы в таких изделиях, насколько нам известно, не обнаружены. В силу этого не исключено иное назначение данных предметов. Аналогичные трубочки широко представлены в хуннских захоронениях Центральной Азии II в. до н.э. – I в. н.э. (Давыдова, 1995. Табл. 181, 22, 23; 1996. Табл. 71, 15–18), а в Южной Сибири бытуют до V в. н.э. включительно.

Навершия стеков (рис. 2, 18, 19) определены по конструктивному сходству с тюркскими изделиями. Но булан-кобинские экземпляры меньших размеров, и их атрибуция пока условна.

Гребни изготовлены из дерева и рога. Выделяются цельные (рис. 2, 20, 21) и составные (рис. 2, 23) изделия. Два гребня имеют оригинальный декор. Отмечается преемственность этих предметов туалета с гребнями пазырыкской культуры (Соенов, 1998. С. 166), но она не слишком выразительна.

Зеркала найдены на памятниках Усть-Эдиган, Чендек, Яломан-П. Первая группа включает круглые зеркала с выступом-шипом и односторонним уплощенным бортиком (рис. 2, 23). Аналогичные изделия есть в материалах сарматской, саргатской и джетысарской культур (Левина, 1996. Рис. 155; Худяков, 1998б. С. 137). Вторая группа представлена круглыми зеркалами с шишечкой-петлей в центре диска. Их тыльная сторона рельефна и покры-

та многокомпонентным орнаментальным полем (рис. 2, 24–27). Они определяются как ханьские или местные подражания китайским образцам. Анализ металла зеркал с могильника Яломан-П показал, что четыре экземпляра (все фрагменты) являются китайским импортом, а одно целое зеркало – местной копией (Тишкин, Хаврин, 2004. С. 305). Появление таких вещей в булан-кобинских памятниках четко отбивает их нижнюю границу рубежом III/II в. до н.э.

Посуда усть-эдиганского этапа представлена керамическими, медным и деревянными изделиями. Керамические сосуды по форме делятся на горшки (рис. 2, 31, 32, 37), банки (рис. 2, 29, 30), вазы (рис. 2, 33–35) и кубки (рис. 2, 36). Горшки с выделенной горловиной вроде бы имеют прототипы в позднепазырыкских памятниках, но большая часть сосудов находит аналогии в посуде раннего железного века северных предгорий Алтая (Худяков, 1998в. С. 206, 207; Тишкин, 2005). Вазы, напротив, по технологии, форме и орнаменту повторяют классические хуннские сосуды. На их днищах имеются отпечатки в виде квадратов. Подобные изображения, но с дополнительными деталями имеются на некоторых сосудах с Иволгинского городища (Давыдова, 1996. Табл. 179, 1–4, 9). Кубки могли быть заимствованы у носителей кокзельской или таштыкской культур (Худяков, 1998в. С. 207). На могильнике Усть-Эдиган также найдены бочонок и бомбовидный сосуд (Худяков, 1998в. Рис. 1, 6; 3, 7). Происхождение первого связывается с таштыкской культурой (Худяков, 1998в. С. 208). Медный котел снабжен П-образными ручками и поддоном с треугольными прорезями (рис. 2, 38). Очень близкие изделия обнаружены в Иволгинском и Дырестуйском могильниках (Давыдова, 1996. Табл. 35, 4; Миняев, 1998. Табл. 21, 6). Деревянная посуда представлена различными кружками (рис. 2, 39), мисками (рис. 2, 40, 41), чашками с ручками (рис. 2, 42, 43) и блюдами (рис. 2, 44, 45). Такие изделия встречаются достаточно широко. Есть они среди материалов пазырыкской культуры и среди находок в тюркских памятниках (Овчинникова, 1990. Рис. 31; Кубарев, 1992. Рис. 16).

Каменный столик-алтарик прямоугольной формы на четырех ножках найден на могильнике Яломан-П (рис. 2, 46). Такие предметы не характерны для Горного Алтая, но довольно часто встречаются в материалах каменской культуры Лесостепного Алтая второй половины VI–II вв. до н.э. (Могильников, 1997. С. 88–91).

Украшения костюма состоят из изделий, крепившихся непосредственно к одежде или надевавшихся на самого человека. Золотые и бронзовые диадемы обнаружены на памятниках Усть-Эдиган и Яломан-П. Они сделаны из толстой фольги, имеющей прямоугольную и квадратную форму с загнутыми краями и отверстиями для пришивания к

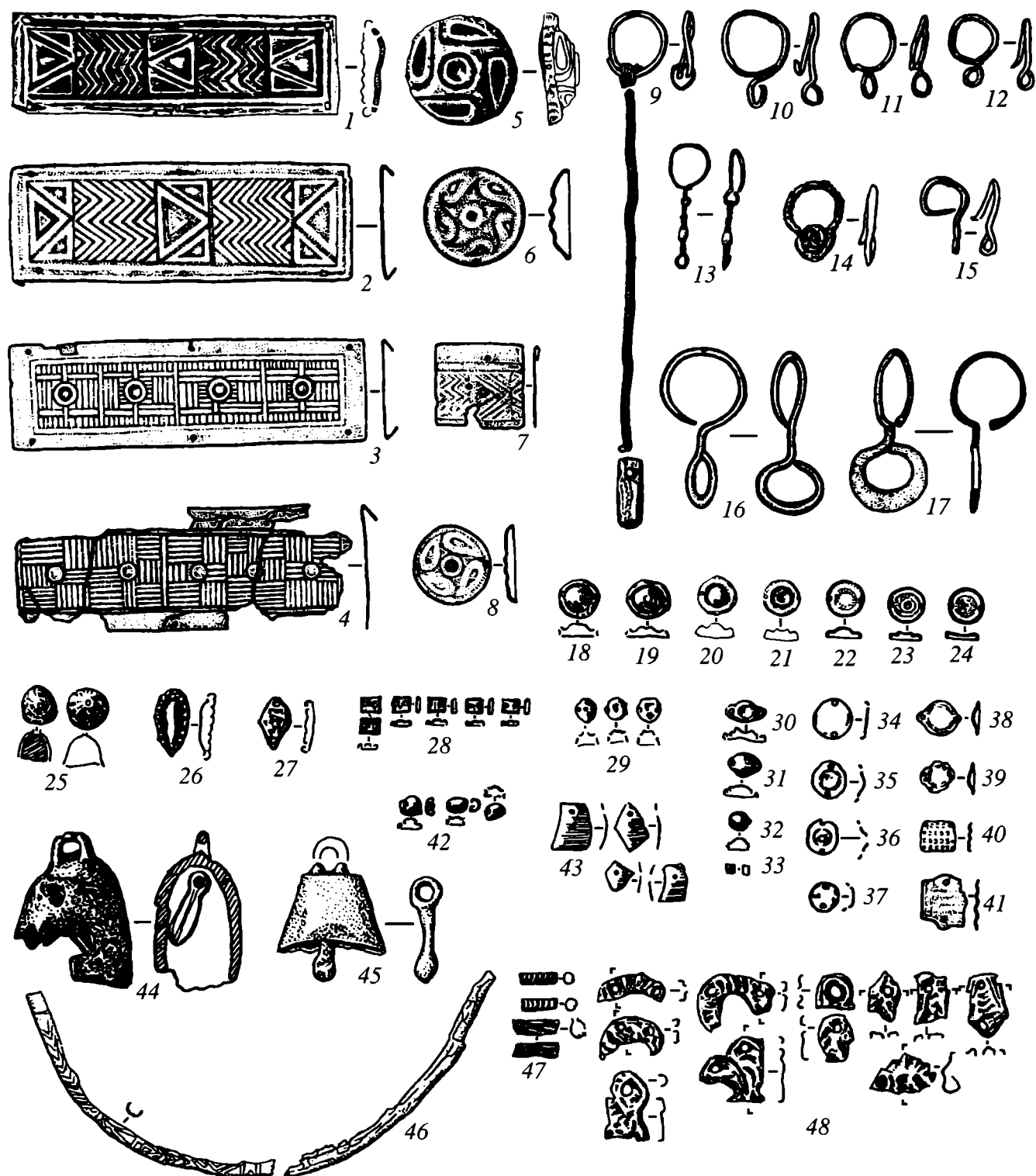

Рис. 3. Украшения костюма. Памятники: Усть-Эдиган – 2–4, 6–8, 16, 17, 22–24, 38–41, 46; Чендек – 34–37; Яломан-П – 1, 5, 9–15, 18–21, 25–33, 42–45, 47, 48. Материал: 1–8, 10–12, 14–48 – цветной металл; 9, 13 – золото и камень. Масштаб: 1–45, 47, 48 – 1 : 2; 46 – 1 : 3.

основе. Поверхность диадем украшена тисненым геометрическим орнаментом (рис. 3, 1–4, 7). Эти изделия представляют собой оригинальный элемент булан-кобинского костюма, не находящий пока аналогий (Борисенко, Худяков, 2004. С. 70).

В комплекте с диадемами встречены и бляхи-фалары, сделанные из таких же материалов и по сходной технологии. Они округлой формы с поверхностью, украшенной тисненым “вихревым” орнаментом (рис. 3, 5, 6, 8). Удалось найти точную

аналогию этим предметам из хуннского Дыре-стуйского могильника, где такой фалар был прикреплен к центральной части ожерелья из бус (Миняев, 1998. Табл. 9, 2). Отдаленно булан-кобинские бляхи-фалары напоминают некоторые украшения джетыясарской культуры (Левина, 1996. Рис. 119).

Многочисленные бляхи-нашивки из золота, меди и бронзы применялись для украшения головных уборов и обшлагов верхней одежды. Они найдены

на всех памятниках усть-эдиганского этапа. Встречаются следующие типы изделий: полусферические округлой формы (рис. 3, 29, 32, 34, 37, 42) и такие же с кольцевым бортиком (рис. 3, 18–24, 35, 36, 39), у некоторых из них выделены “ушки” под отверстия (рис. 3, 30, 31, 38); выпуклые каплевидные с зернистым бортиком (рис. 3, 26); ромбовидные гладкие (рис. 3, 27); подквадратные гладкие (рис. 3, 28) и тисненые (рис. 3, 40, 41); неправильно геометрические гладкие (рис. 3, 43); сложнофигурные тисненые (рис. 3, 48). Точные аналогии полусферическим бляхам с кольцевым бортиком имеются на раннекушанском могильнике Тилля-тепе (Сарианиди, 1987. Рис. 2). Аналогии простым полусферическим бляхам есть в материалах джеты-асарской культуры, там же встречаются подобные каплевидные бляхи с зернистым бортиком (Левина, 1996. Рис. 106, 110, 119). Остальные бляхи-нашивки находят самые обширные параллели. Сложнофигурные изделия в какой-то мере напоминают пазырыкские, но отличаются от них более толстой фольгой.

Золотые, серебряные и бронзовые серьги встречены на могильниках Усть-Эдиган и Яломан-П. По особенностям конструкции они делятся на несколько типов: кольчатая серьга с заведенными концами, на одном из которых гроздь зерни, со спиралевидной обоймой, цепочкой и каменной подвеской (рис. 3, 9); восьмерковидная серьга из двух крюков, в малый из которых вставлена витая двухпетельчатая подвеска с камнем посередине (рис. 3, 13); восьмерковидные серьги из двух неравных крюков (рис. 3, 10, 12, 15), у одного экземпляра малый крюк припаян к большому (рис. 3, 11); большие восьмерковидные серьги из двух крюков, нижний из которых иногда расплюсчен (рис. 3, 16, 17); кольчатая серьга с одним плоским спиралевидным окончанием (рис. 3, 14). Серьги трех первых типов напоминают изделия скифской эпохи (Могильников, 1997. Рис. 55а, 1, 2, 22; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 42, 1–11). Большие восьмерковидные серьги известны в материалах Минусинской котловины рубежа эр и саргатской культуры (Трифанова, 2004. С. 95). Кольчатые серьги со спиралевидным окончанием имеют ранние прототипы в каменных памятниках V–III вв. до н.э. (Могильников, 1997. Рис. 55а, 24). Их дальнейшим развитием становятся изделия с петлевидным крюком (Трифанова, 2004. Табл. I, 1, 14–16).

Медные колокольчики, судя по их положению в могилах Яломана-П, использовались в качестве подвесок к поясу. Один из них имеет арочный абрис, другой – трапецевидный (рис. 3, 44, 45). Точно такие изделия представлены среди хуннских материалов Забайкалья (Коновалов, 1976. Табл. VII; Миняев, 1998. Табл. 5, 4; 67, 4; 101, 2).

Гривны найдены на памятнике Усть-Эдиган. Они являются комбинированными, состоят из бронзовой или деревянной основы и золотой или

серебряной обкладки (рис. 3, 46). Эти изделия восходят к гривнам скифской эпохи, а в хуннское время заканчивают свое существование, не встречаясь позже I в. н.э. (Тетерин, 2001. С. 109).

Оценивая в целом типовой набор инвентаря усть-эдиганского этапа, необходимо отметить сочетание в нем нескольких основных культурно-хронологических групп вещей. Первая отражает окончание предшествующих материальных традиций скифского времени. На Алтае они связаны в основном с наследием пазырыкской и каменной культур. Сюда относятся боевые шипастые наконечники стрел, модель чекана, подпружные пряжки и блоки, охотничьи втульчатые наконечники стрел, часть сосудов, столик-алтарик, сложнофигурные бляхи-нашивки, серьги и гривны. Все эти типы вещей, за редким исключением, исчезли из обихода в течение II в. до н.э. – I в. н.э., маркируя верхнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа.

Вторая группа предметов, самая многочисленная, целиком базируется на материальной культуре хунну. Она включает сложносоставные луки, бронебойный наконечник стрелы, кинжалы без перекрестия и навершия, панцирные пластины, поясные и уздечные наборы, бытовые ножи, трубочки, керамические вазы, котел и колокольчики. Большая часть этих изделий появляется и начинает свое развитие на рубеже III/II в. до н.э., четко очерчивая нижнюю хронологическую границу усть-эдиганского этапа. Сюда же можно отнести зеркала и их копии. Кроме того, часть предметов бытовала в Азии только на протяжении собственно хуннского времени. Это престижные вещи: поясные ажурные пряжки, наконечники и бляхи, ложечковидные застёжки и уздечные бляхи. После I в. н.э. они уже не использовались, утратив свой статус с падением власти хунну.

Третья группа предметов отражает влияние материальных традиций культур сарматского и среднеазиатского (раннекушанского) круга. К ней относятся кинжалы с перекрестием и навершием, возможно, меч, зеркала с выступом-шипом, полусферические и каплевидные бляхи-нашивки и, вероятно, бляхи-фалары. Появление этих изделий укладывается в рамки III–I вв. до н.э.

Можно говорить о становлении на усть-эдиганском этапе и собственно булан-кобинской культурной традиции. Она выражалась в видоизменении предшествующих и заимствованных типов изделий и наиболее ярко проявилась в украшениях костюма, которые составляют оригинальный и устойчивый комплект. Определенное сочетание предметов в типовом наборе усть-эдиганского этапа (рис. 1–3) также демонстрирует его своеобразие, позволяя четко отличать булан-кобинский материальный комплекс от других синхронных и сопредельных культур.

Выделенные группы вещей в наборе инвентаря усть-эдиганского этапа при сравнении с данными погребального обряда отражают участие различных компонентов в формировании булан-кобинской культуры. Первая группа соотносится с такими элементами погребального обряда, как положение умерших на боку с согнутыми ногами с ориентацией в восточный сектор, положение коня на животе вдоль длинной стенки конструкции, сооружение ящиков. Эти признаки обозначают местный компонент. Его доля как в инвентаре, так и в обряде невелика. Вторая и третья группы соответствуют следующим элементам погребального обряда: иная планиграфия могильников и новые надмогильные сооружения по сравнению с пазырыкскими, положение умерших вытянуто на спине, их ориентация на запад, положение коня на боку на перекрытии конструкции, отдельные захоронения лошадей. Данные признаки демонстрируют пришлый компонент. Несмотря на то что среди инвентаря ведущее место занимает хуннская группа, погребений собственно хунну на Алтае не выявлено. Погребальная обрядность населения булан-кобинской культуры по сравнению с хуннской имеет достаточно четкое своеобразие. В литературе существует версия, согласно которой пришлый компонент составляла иная этническая группа, находившаяся под сильным влиянием хуннской культуры. Она могла прийти с территории Монголии. Кроме того, в формировании булан-кобинской культуры приняло участие население Восточного Казахстана (кулажургинская культура) (Мамадаков, 1990. С. 18). Действительно, кулажургинская погребальная обрядность во многих деталях совпадает с элементами обряда булан-кобинских памятников. Весьма вероятно, что кушано-сарматская группа инвентаря была привнесена в Горный Алтай через Восточный Казахстан.

Этнокультурные процессы, которые привели к сложению на территории Горного Алтая новой общности, невозможно объяснить без оценки политической ситуации в центральноазиатском регионе. В конце III в. до н.э. произошли важные изменения, обусловленные созданием сильной державы Хунну (209 г. до н.э.). Ее центр первоначально находился на территории Ордоса и Южной Монголии. Уже в 201 г. до н.э. шаньюй Модэ завоевал северные области Центральной Азии, включая Северную Монголию, южные районы Прибайкалья и Забайкалья, а также Южную Сибирь. К середине II в. до н.э. (165 г. до н.э.) хунну окончательно подчинили себе западные земли центральноазиатского региона, вытеснив оттуда наиболее сильных своих противников юэчжей.

Таким образом, начало усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры синхронизируется с политическими событиями самого конца III – первой половины II в. до н.э. Вероятно, решающим событием явился северный поход Модэ 201 г. до н.э.,

когда было установлено хуннское господство над территориями Южной Сибири. Элита пазырыкской культуры, скорее всего, была уничтожена. Для закрепления новых земель в Горный Алтай переселили лояльное племя. Не исключено, что им могли являться и “кулажургинцы”, получившие материальную поддержку от хунну для закрепления своего положения. Обосновавшись на новом месте, они включили в свой состав остатки местного населения. Возможна и иная реконструкция процесса образования булан-кобинской культуры, когда пришлых компонента могло быть два, но она пока плохо согласуется с данными погребального обряда.

Жизнь булан-кобинского населения на усть-эдиганском этапе протекала под эгидой подчинения державе Хунну. Эта зависимость усиливалась или ослаблялась из-за конкретной политической ситуации. Например, после 123 г. до н.э., когда хунну перенесли свою ставку в Северную Монголию, она могла возрасти, а после 56 г. до н.э. и 48 г. н.э. (расколы хунну на северных и южных) становилась формальной. В конце I в. н.э. северные хунну потерпели поражение от сяньби (93 г. н.э.) и утратили свое господство в большей части Центральной Азии. Земли Алтая оказались в сфере влияния победителей, что определило начало нового этапа в развитии булан-кобинской культуры.

Работа выполнена при поддержке РГНФ-Монголия (проект № 06-01-91809а/Г).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. Новосибирск, 2004.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
- Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело nomadов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб., 1995.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск, 1987.
- Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников предтюркского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
- Елин В.Н. О формировании населения гунно-сарматского времени на Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.

- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
- Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. № 4. Горно-Алтайск, 1999.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1996.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Т. 2. М., 2001.
- Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск, 1998.
- Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Вып. 2. Новосибирск, 1999.
- Сарианиди В.И. Тилля-тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Соенов В.И. Костяные гребни гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998.
- Соенов В.И. История Алтая (с древнейших времен до XII века). Горно-Алтайск, 1999.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003.
- Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992.
- Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002.
- Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.
- Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. № 6. Горно-Алтайск, 2001.
- Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.
- Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.
- Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Новосибирск, 2003.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск, 2005.
- Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.
- Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. № 12. Горно-Алтайск, 2004.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск, 1993а.
- Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993б.
- Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск, 1998а.
- Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. № 3. Горно-Алтайск, 1998б.
- Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998в.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск, 1990.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003.
- Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.

The Altai Mountains in the Hunnian period: cultural and chronological analysis of archaeological material

A. A. Tishkin, V. V. Gorbunov

S u m m a r y

The data on 696 graves investigated in the Altai Mountains on 36 complexes of the Hunnian-Syanbiysky period (the 2nd c. BC – 5th c. AD) are published at present. A typological analysis of the obtained material gives the opportunity to conceive a cultural and chronological scheme of the development of the Bulan-Kobinskaya culture. Only the early (Ust'-Edigansky) stage dated to the 2nd c. BC – 1st c. AD is described in this paper. The material complex attesting to a considerable influence of the Hunnian material culture was the main index. This process is attested to by the written sources, which reflect the military and political history of the Central Asiatic nomads. The archaeological data demonstrates that the Altai Mountains were a part of the Hunnu State.